

Наталья КАРАЕВА

г. Павлодар, Казахстан

В то лето я повзрослела.

«Люди, Милана, не ангелы. Учись прощать», — сказала мне бабушка. Но я научилась этому много позже. А тогда просто зажала в себе обиду, не позволив ей разматывать меня.

Со временем я поняла, что чаще всего люди не такие, какими их хотелось бы видеть.

Мама ушла к чужому мужчине. Она сказала, что любит его, что ждёт от него ребёнка, и ушла. Мы остались с папой в двухкомнатной квартире, а потом и он уехал, потому что был мне неродным отцом. О своём биологическом отце я узнала от мамы уже в другой нашей жизни — в ней мама была оплывшей необщительной женщиной. Но это потом. А тогда она родила Аннетку, жила в красивом доме за городом. Приезжала ко мне яркая, цыганистая, внося приторно-навязчивые ароматы. Из пакетов она выкладывала продукты в холодильник, мыломойку — в шкафчик под ванной и ещё что-то. Шуршала, звякала, вздыхала, качала головой, а мне так хотелось прижаться к ней, обнять и просто поплакать.

Внешне я очень похожа на маму.

В то лето я поступила в педагогический колледж. Он был единственным гуманитарным в нашем городе и к тому же не чужим — в нём папа преподавал иностранные языки. И если там не знали меня, то знали нашу историю.

Я любила рисовать. Я с детства пыталась нарисовать всё, что видела.

«Как солнечно, сколько света», — перебирая рисунки, сказала преподаватель художки, куда папа отвёл меня в третьем классе.

А вот учителем я никогда не хотела стать, поэтому документы подала не на «методику начального образования», а на «дошкольное воспитание и обучение».

В моей группе парней не имелось, да и странно б они выглядели на нашем «дошкольном».

Не всё складывалось в отношениях с девчонками, но скучать не приходилось. Нужна была стипендия, поэтому много сил и времени уходило на учёбу.

Ещё очень скоро в колледже прознали о моих художественных способностях и посыпались поручения: это — оформить, то — нарисовать. Дни были заполнены под завязку.

Нестерпимо становилось вечером. Иногда из деревни приезжала бабушка, но она если оставалась, то только на одну ночь. Дома у неё куры, коза, собака. У всех своя жизнь.

Перед Новым годом мне поручили оформить актовый зал, в помощники определили кудрявого Кешу со второго курса.

Мы зашивались. Приходилось брать работу домой — естественно, ко мне. Кеша обалдевал от количества еды в моём холодильнике, и ещё его вводили в ступор мои картины, развешенные по всей квартире. Он подолгу зависал перед ними, а однажды выдал: «Миланка, хочешь верь, хочешь нет, но мы с тобой когда-то были знакомы. Мы с тобой — родственные души».

«Родственная душа» Кеша рисовал так себе, зато он сочинял стихи и пел их под гитару. Кстати, классно. Поэтому львиная доля работы по оформлению легла на мои привыкшие к ответственности плечи, а Кеша в основном мне «аккомпанировал».

Соседи проявили бдительность, и однажды к нам нагрянула мама со своим мужем. Она хотела устроить выволочку, но её муж, осмотрев нас и разбросанные по квартире краски, прервал её прямо в «полёте» короткой командой: «Поехали домой!»

Кеша же всё это время как привороженный смотрел на мою маму, а после их ухода прошептал: «А ты, Мила, оказывается, красивая».

Я засмеялась, но мне стало сказочно хорошо. Не один раз вспоминала я эти слова и выражение Кешиного лица, когда в жизни приходилось тяжело.

И ещё я не сказала тогда, но поверила Кеше, что мы с ним родственные души.

Праздник получился сумбурный, шумный.

Поздним вечером из колледжа вывалились гурьбой.

Ветер крутил под ногами снежные фонтанчики, пробежал по телу до самой макушки. Замахали редким машинам, равнодушно проезжавшим мимо. Выбежал Кеша — совсем пацан, долговязый, кудрявый.

«Мила! Мила! Я сейчас брата вызвоню!» — закричал он мне, но тут к нам подъехала машина. Я послала оставшимся на тротуаре девчонкам воздушный поцелуй и плюхнулась на сиденье рядом с водителем.

Я видела Кешино сердитое лицо, какие-то его жесты. Я и ему послала поцелуйчик. Было весело, голову вело от выпитого вина и от предчувствия чуда.

Я ближе всех жила от колледжа, но девчонки сразу завершали:

— Сначала нас! Сначала нас! Тебя, Миланка, никто дома ругать не будет!

Мы развезли девчонок, севших в машину в суете и не подумавших, что живут-то они в разных районах города.

Когда возвращались ко мне, я спала, то и дело больно ударяясь головой о дверцу.

Герман, водитель, взрослый крепкий парень, когда мы подъехали к моему дому, предложил сигарету и спросил:

— А предки-то куда укатили?

Я отказалась от сигареты, сказала, что не курю. Герман одобрительно кивнул, а затем достал из кармана плитку шоколада, разломил её и протянул мне.

— Так, а родители-то где? — повторил он.

Вдруг стало до слёз обидно, что я могу прийти домой хоть под утро, что никому нет дела до того, сколько я выпила и где сейчас шабляюсь. И я разревелась...

Утром, отодвинувшись на край кровати, с ужасом смотрела на спящего рядом чужого парня. Ночью всё это выглядело как-то по-другому.

А потом... потом я влюбилась. Как шенок, я заглядывала Герману в лицо, вся моя жизнь превратилась в ожидание.

Это правда: чем беспомощнее женщина в глазах мужчины — тем сильнее мужчина. Герман был для меня взрослым, сильным, хорошо разбирающимся в этой жизни.

Я вздрагивала от каждого позвякивания лифта. Я бессильно плакала от нарастающей паники, боялась, что Герман перестанет приходить. «Господи, — умоляла, — я не хочу его терять. Я не могу его потерять. У меня никого больше нет».

А где-то там, в неведомых измерениях, Бог, и у него полно своих дел.

На всех моих картинах был Герман, даже женские лица смотрели его глазами.

Он ревновал меня к моему увлечению. Я рисовала тайком. Герман находил мои картины, ругался, рвал их.

— Ну что я такого сделала? — спрашивала я, а из глаз катились слёзы.

И по сей день не могу простить себе этих слёз. Что со мной было не так?

Что отдаёшь — то и получаешь. Сейчас понимаю, что отдавала себя как на закланье — и ничего взамен!

Конечно, нелегко любить залитую слезами и соплями девчонку.

В обязательную программу наших встреч входило:

— Я люблю тебя.

— И мне с тобой классно, но есть дела поважнее, — говорил Герман, а я-то верила, что он понимает, в чём смысл жизни.

Через месяц я залетела. У Германа был знакомый врач. Герман обо всём договорился.

Клацая зубами, вечером клянчу:

— Гера, а можно я не пойду?

— Нельзя, — говорит Герман и ухмыляется во весь рот. — Пять на два не делится.

(Когда я вспоминаю это, мне хочется вызвать у себя амнезию.)

— Ложись спать, а завтра в семь я заеду за тобой, — приказывает он.

Ночью мне приснилась маленькая девочка.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Анечка.

— А почему ты здесь? — опять спросила я, удивляясь, что такая кроха одна сидит на берегу озера.

— Я твоя дочка, — и девочка заплакала.

Тогда я поняла: никто ничего мне не должен. У меня есть я и моя дочь. За них обеих только я в ответе.

Герман уговаривал, кричал, обзывался, а затем надел куртку, поднял воротник, натянул шапку поглубже и вышел, не забыв бросить ключи от моей квартиры на полочку для обуви.

У меня родилась девочка. Её на весь день унесли под кислород и капельницы. Врач, пожилая женщина, раздражалась на меня, смотрела с нескрываемым осуждением, а мне так хотелось, чтобы меня кто-нибудь просто обнял и пожалел.

Когда мне наконец-то принесли дочку, я ничего не почувствовала. Вместо любви чувство вины за то, что нет любви к этому человечку. «Какая она маленькая, совсем крошечная, — думала я, рассматривая живой свёрточек на руках, — но она будет постепенно расти. Потопаёт ножками. Научится говорить. Станет мне самым родным человеком, моя Анечка».

Любовь незаметно пришла позже.

Из роддома меня забрал Герман. Появлялся, исчезал, но помогал. И от этого на душе, как никогда, было мерзко.

Самый конец октября. Нашей дочери исполняется годик. Я уже всё приготовила, накрыла стол белой скатертью. А главное — уговорила маму не приходить сегодня поздравлять внучку.

Герман задерживался.

Зазвонил телефон.

— Здравствуйте, — говорит строгий женский голос — голос очень взрослой женщины. — Вы Милана? — спрашивает она.

— Да.

— Я мама Германа.

— Очень приятно.

Женщина молчит.

И я молчу, а сердце начинает покалывать.

— Что-то случилось с Германом? — первой не выдерживаю я.

— Да. Ты что же это, шалава сопливая, семью разбиваешь?

— Какую семью? — прошептала я, пытаюсь отогнать непрошеную панику.

Герман мне никогда не говорил о семье. Про маму — да, про семью — нет. Как-то я спросила его о любимой женщине, он возмутился: «Зачем это? Я ведь сейчас с тобой». Вот так.

— Оставь в покое моего сына! Отцепись от него! — уже кричит женщина.

Мысленно твержу себе: «Я сильная. Я сильная. Я сильн...»

— Хорошо, — вслух говорю женщине. — Завтра меня не будет дома, пусть заберёт свои вещи. Всё.

Когда мы вернулись от мамы, вещей Германа не было. Ему так было проще. Так из нашей с Анечкой жизни исчез этот человек, но нет, не навсегда.

За день до Нового года Герман вдруг появился с подарками, фруктами и тортом. Шампанское у меня было ещё со дня рождения дочери.

Мы не говорили о случившемся, но Герман был рад нам. Он возился с дочкой, помогал её купать.

Германа обижала Анина настороженность. Доченька ни с кем не хотела делить меня.

Утром пили в кухне кофе — над чашками вился парок — и разговаривали, как супружеская пара. Уходя, он поцеловал меня в щёку и исчез ещё на пару лет.

Сначала было больно. Очень.

А потом у моей мамы погиб муж. Как-то странно погиб.

После похорон была долгая возня вокруг дома, машин, нехилого имущества мамино мужа.

Мамин муж из бульдожьей породы — сумел оттяпать в мутное время немаленький кусок.

А я боялась только одного: вдруг мама лишится дома и они с Аннеткой переедут к нам с Анечкой.

Дом остался. Огромный дом, который нужно было содержать. А ещё — маленькая Аннета. Мама опустилась, обабилась, стала молчаливой. Я помогала ей как могла.

Денег не хватало даже на продукты самых дешёвых марок.

Я сдала свою квартиру юркому торгашу и его быдловатой жене, которые раздолбали мне её за два года и исчезли, не заплатив за последний месяц и коммуналку — за три. Сдала и уехала в деревню к бабушке.

Меня взяли в школу учителем пения и рисования. У меня не было ни категории, ни стажа, поэтому платили копейки.

В деревне нас и нашёл Герман с подарками и желанием воссоединиться. Он даже возил меня к своему другу.

Эти несколько дней Герман казался искренне счастливым, и у меня появилась надежда. Робкая такая, безголосая. Но Герман был слабым, поэтому опять предал.

Простила ли я Германа? Наверное, да. Если бы мы не прощали, жизнь имела бы мрачный вид. Но и сегодня, когда вспоминаю то время, щиплет глаза.

Думаю, он искал свою женщину и не находил.

Не могу признаться себе, что стала прихотью эгоиста. Так мне легче.

«Нужно уезжать в Германию, — сказала бабушка, — пока я ещё жива».

Бабушку с её мамой во время войны депортировали (бабушка говорила: выслали) с Поволжья.

Я не сразу согласилась уезжать — я всё ещё ждала Германа.

Попали мы в небольшой городок.

Это было в первый день после затяжного дождя. Набухшие облака провисали до самых черепичных крыш. Дворики тонули в мокрой зелени. Цветы были везде: на ювелирно стриженных газонах, перед подъездами в горшках и кадках, украшали балконы домов.

Я шла по коротким улицам, останавливаясь возле старательно оформленных витрин.

Мимо проплывали лица. Я просто шла и разглядывала людей. Некоторые мне улыбались, но я чувствовала себя чужой. И они знали, что я чужая им. Было такое ощущение, как будто вернулась с войны в мирный, но чужой город.

Мы принялись обживать в этом городке. Нашли с мамой работу, пытались с кем-нибудь подружиться, но люди рядом жили по принципу: чем выше забор, тем крепче дружба.

Соседи приветливо растягивали губы в улыбке, а глаза смотрели недружелюбно.

Дни, события теряли очертание.

Через пару лет мы с бабушкой перебрались в Штутгарт, пытаюсь прижиться в этом большом, но уютном и красивом городе.

Сначала была работа, а потом я её потеряла. Мы не потянули. Я сдалась, но в городок, где у мамы к тому времени появились отношения с кичливым поляком (имею ли я право судить маму?), не вернулась. Мы поселились в небольшом промышленном городе, который стал нам родным.

Бабулечка скоро ушла от нас в другой мир.

За работой я обратилась в русскую общественную организацию, позиционирующую себя как культурно-образовательный центр. «Русская» — одно название, а так чисто еврейская организация. Предложила месяц поработать у них бесплатно, а там пусть решат, какую работу смогут дать. И на работу приняли, и деньги платили с первого месяца, но то были смешные деньги (сто двадцать евро!).

Ещё, общаясь на русском языке, я растеряла последние крупницы немецкого. Меня засасывало работой. А работала я у них и водителем, и поваром, и праздники проводила.

Как-то зал для одного из таких мероприятий оформила своими картинами. Узнав, что у меня их полно, шефиня загорелась устроить мою персональную выставку.

«Знаешь, как здесь это ценится! — не один раз повторила она. — Не хватает у них талантов».

Персональная выставка — громко сказано, но я её называла именно так.

И я вечерами, по выходным, прихватив Анечку и контейнеры с едой, оформляла свой вернисаж.

Я не спала ночами, у меня тряслись руки, когда развешивала свои рисунки, подолгу подбирала необходимые предметы интерьера, аксессуары, музыку.

Всё распалось. Музыка никак не становилась одним из элементов единства.

О моей выставке даже в местных СМИ написали в духе, как бережно в их городе относятся к талантам.

Появился какой-то Юргис — чиновник от молодёжной организации в красных джинсах и глубоко расстегнутой чёрной рубашечке.

Юргис когда-то был Юрой, поэтому по-русски, иногда всё-таки подбирая слова, говорил без акцента. Юргис прошёл по залу, окидывая взглядом, как товар на прилавке, картины. Постоял передо мной, раскачиваясь на носках светлых туфель.

— А чего-нибудь такого... необычного у тебя нет? — спросил он

Вдруг до брезгливого вздрагивания стало неприятно от вида оголённой, без единого волоска, гладкой его груди в расстёгнутом вороте рубашки.

— Ну, у тебя всё так просто. Обычно, — попытался растолковать он.

И здесь взгляд Юргиса замер на картине за моей спиной. На его лице проступили растерянность и смущение. Он подошёл ближе и завис.

Эту картину я писала на Вербное воскресенье, когда вернулась из церкви. Хотелось передать, почему-то непременно в оттенках серого, приглушённого, что всё жизненное — ценно, что и в обыденности можно быть счастливым.

И вот сейчас не это ли чувство ненавязчивого счастья выцепила из прошлой жизни генетическая память Юргиса при виде веточек вербы в стеклянной банке?

— Можно повесить мои картины вверх ногами, и тогда будет необычно, — предложила я, прощаясь с безликим представителем местной молодёжи.

Он хмыкнул.

Через несколько лет у меня хватило ума сказать себе: «Нет, стоп. Лучше буду мыть полы, но у немцев, и за деньги!»

Я заново лепила себя по кусочку.

Работала райниген, ну, это уборщицей в разных местах. Последние годы убирала в детском саду — истинное удовольствие, пусть даже в таком качестве, побыть там.

Раз в неделю ездила в немецкое общество (клуб по интересам) на общественных началах. И так восемь лет.

Сейчас работаю у них официально как общественный педагог. Каждый день четыре часа занимаюсь с ребятами творчеством. На праздники выполняю детский шминке. Как это по-русски? Макияж!

Пишу проекты, но мне не хватает профессионального уровня владения немецким языком, чтобы проводить по ним праздники. Я у них одна русскоязычная.

Работу свою люблю.

Моя Аня открыла косметик-студию. Шминке для невест у неё нарасхват. Живёт недалеко от меня.

Время перелистывает день за днём.

Сегодня мне почти сорок. Есть мнение: если не влюбился до сорока лет, то уж лучше не влюбляться и позже.

Я понимаю: пролитой воды не соберёшь. А жизнь продолжается...

У меня появился друг. Он так же, как и я, с Алтая, но уже стал настоящим немцем Арнольдом («власть орла»), а не Андреем («мужественным»). Живёт в соседнем городке. Приезжает три раза в неделю.

Мой мужчина надёжен, как плита. Приезжает в одни и те же дни, приносит одни и те же фрукты. Даже всегда одинаково раскладывает их в вазе: груши и яблоки, а сверху — гроздь

винограда. Бутылка вина, мой любимый солёный сыр и пепси-кола.

Моя коллега как-то хвалилась, что с мужем у них отношения «по науке»: любовь три раза в неделю в определённые дни.

Пока я накрываю стол, Арнольд, как тюлень, фыркает под душем.

А дальше всё как всегда. Стабильно. По науке. Арнольд иногда даже говорит, что любит меня.

Но я-то знаю, что наши души никогда раньше не были знакомы.

Вспоминаю ли я свою родину? Да, вспоминаю, но тоскую только по солнцу, которого было много.

У нас здесь пасмурно.

У меня наконец-то всё сложилось. Есть работа. Личная жизнь.

Проклятое одиночество приходит под утро. И тогда я просто лежу и жду, когда посветлеет за окном, а иногда встану, накачу немного водочки, затем всплакну тихонько, и вроде бы как полегчает.

Хуже то, что картины не пишутся. Возьму кисть, мазну по холсту, а ничто не ведёт руку.

Не звучит душа. Фальшивит.

□

Наталья КАРАЕВА

родилась и выросла в России, в г. Армавире.

В настоящее время живёт в Казахстане.

Литератор, педагог.

Публикации в местных СМИ,

журнале «Север», казахстанском журнале «Нива»,

русском журнале для подростков «Мы».

